

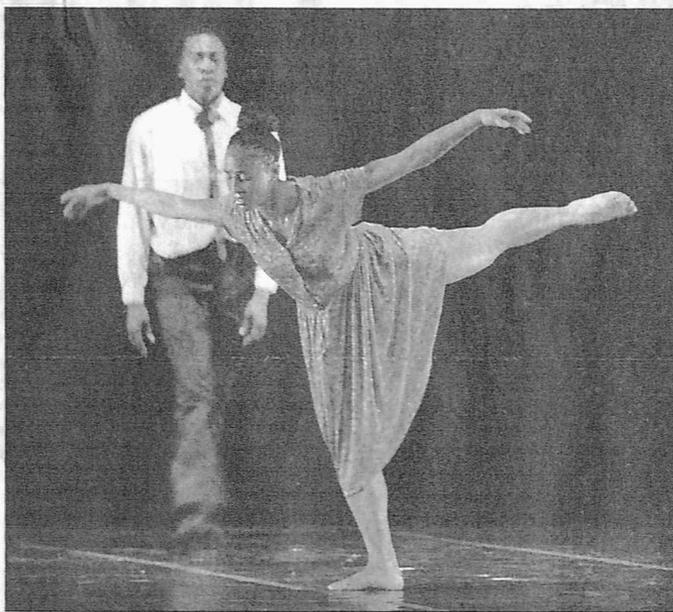
Яркое обаяние черного танца

Dayton Contemporary Dance Company на сцене Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко

Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»

Компания, основанная в 1968 году Джералдин Бланден, а ныне возглавляемая ее учеником Кевином Уордом, считается одной из самых уважаемых в Штатах. Имеет традиционную хорошую прессу и пользуется вниманием известных хореографов. В частности, для нее ставили такие мастера, как Мерс Каннингем и Хосе Лимон. В Москве танцовщики Dayton впервые появились на российской выездной сессии Американского фестиваля современного танца (ADF/Russia). Тогда, десять лет назад, на скудном танцевальном фоне выступление Dayton казалось окном в неизвестный мир, а все, что делали артисты, воспринималось откровением. Сегодня, когда появилась возможность сравнивать и выбирать, выяснилось, что Dayton труппа не экстра-класса: крепкая, профессиональная, но не более того.

Действие (три одноактовки, дуэт и соло) вместе с антрактом длилось не более полутора часов, но успело утомить. Принадлежало оно к тому типу зрелищ, где заявка оказывается намного значимее последующего развития, мысль исчерпывается за считанные минуты, а затем натушно ренимируется. Хореографы, работающие с труппой, избытком танцевальной фантазии не грешат, предпочитая наглядные иллюстрации вечных тем. В «Путниках» на музыку Dirty Dozen Brass Band Дональд МакКейл и Рональд К. Браун опредмечивают идею долгого жизненного пути: танцовщики выстраиваются в шеренгу и

«Постоянство памяти» — цвет и контраст.

извивающейся гусеницей бороздит сцену. В «Аэродигме» Бебе Миллера обаятельный толстячок на роликах, раскатывая среди леших партнеров, символизирует идею счастливого одиночества. В «Разрастании» Дуайта Родена солистка, опоясанная подчеркивающими рельеф мышц лентами, совершает отчаянные движения, стремясь обмануть собственную природу и в буквальном смысле вырасти из коренастого и коротконого тела.

В сравнении с европейскими постановщиками американцы почти не используют возможности света, который у их коллег становится едва ли не самым важ-

ным компонентом спектакля. Световая партитура исчерпывается парой-тройкой контрастных лучей сбоку и сверху, в основном же на сцене царит таинственный полумрак, временами поглощающий фигуры исполнителей. Столь же инертны и художники: в мешковатых костюмах преобладают серо-пепельные и блеклые лилово-красные оттенки. Исключение составляет дуэт «Постоянство памяти»: благодаря ярко-алому платью партнерши и ослепительно белой рубашке кавалера (художник Маурита Элам) в унылый цветовой ряд вносятся разнообразие.

При всех композиционных не-

урядицах выступление Dayton смотреть приятно. Раскованность темнокожих, пропитанных солнцем тел на публику северных широт неизменно производит сильное впечатление. Американский балетный гурзу Клайв Барнс безусловно прав, хвалит труппу за сохранение негритянского наследия танца модерн и приверженность характерной пластике, которую «дейтоновцы» вносят в его движущую систему. Экзерсис модерна — прыжки, падения, подсежки, «лежачие» арабески, взмахи жестких, подобных крыльям мельниц рук, — который белые танцовщики делают остро, графично и даже суховаты, в интерпретации черных артистов обретает мягкость и кантиленность, рождая ощущение импровизационности, принципиальной незаданности движения.

Самый практичный из постановщиков Кевин Уорд полностью положился на врожденную танцевальность своих подопечных, у которых пластичность и кошачья координация в крови. В завершающих вечер «Сетах и антрактах» не было глубокомысленных сюжетных поворотов и попыток уйти в философские сферы. Артисты играли в тансинг, где многое может случиться: зарождение и крушение любви, ревность и зависть, уходы и возвращения. Теме аккомпанировал раскованный джазовый сейшн Дюка Эллинтона, и свобода высказывания музыкантов корреспондировала с восхитительной раскрепощенностью танцовщиков. В черном джаз-танце они оказались в своей стихии, что овацией оценили до того спокойные зрители.